347166

МЕТЕХИ—МУЗЕЙ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ и ИСКУССТВА

М. ПОЛИЕВКТОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКАХ XVI—XVII вв. В ГРУЗИИ

ИЗДАНИЕ МУЗЕЯ МЕТЕХИ
ТБИЛИСИ
1941

В47166

МЕТЕХИ—МУЗЕЙ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ и ИСКУССТВА

М. ПОЛИЕВКТОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКАХ XVI—XVII вв. В ГРУЗИИ

1171/

ИЗДАНИЕ МУЗЕЯ МЕТЕХИ
ТБИЛИСИ
1941

3 экз

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
711933

Редактор Ш. Я. Амиранашвили

Библиографические сокращения

1. Бакрадзе—Д. Бакрадзе. Кавказ в древних памятниках христианства. Акты, собран. Кавказск. Археограф. Комис., тт. V и VI, ч. 2, Тифл., 1873 и 1875.

2. Белокуров I—С. Белокуров. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю. Чтения в Об-стве Ист. и Древ. Росс. при Московск. Ун-те, 1887, кн. II.

3. Белокуров II—С. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. I, 1578-1613. Тамже 1888, кн. III и отдел. М., 1889 (след. выпусков не выходило).

4. Броссе—М. Броссе. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями, 1639-1770. СПб., 1861.

5. Brosset — M. Brosset. Examen critique des annales géorgiennes, pour les temps modernes, au moyen des documents russes. Bulletin de la classe histor. phil. de l'Acad. des sciences de St-Pétersbourg, tt. II, III. SPb, 1845-46.

6. Brosset—M. Brosset. Rapport sur un voyage archeologique dans la Georgie et dans l'Armenie, 1847-1848 vol. I-III, с атласом SPb., 1849-1851.

7. Дела грузинские, персидские... Дела Посольского приказа в Государст. Архиве Феодальной и Крепостнической Эпохи Центрархива РСФСР в Москве.

8. Иоселиани—П. Иоселиани. Марткопский монастырь в Грузии. Закавк. Вестн., 1845, №№ 3 и 4.

9. Материалы — Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615-1640. Тбил., 1937 г., изд. Тбил. Гос. Ун-та.

10. ლ. მელიქსეთ-ბეგი—ძველი მხატვრობა გარე-კახეთში. ჩვენი მეცნიერება, № 9-10, ტფილ., 1924.

11. Мышецкий — Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640-1643. Тифл., 1928, изд. Тифл. Гос. Ун-та:

12. Толочанов — Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650-1652, тамже 1926, то же изд.

13. Хаханов—А. Хаханов. Экспедиция на Кавказ, 1892, 1893 и 1895. Материалы по археологии Кавказа, собр. Московск. Археолог. Об-ством, т. VII. М., 1898.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКАХ XVI-XVII вв. В ГРУЗИИ

В литературе давно уже существовали сведения о присылках в XVI-XVII вв. из Москвы художников (мастеров церковного дела) в Грузию. Не говоря о Карамзине, который упоминает об этом в своей „Истории“[1], первым, кто сообщил о таких присылках, был, насколько нам известно, Brosset в своем Examen (Brosset I). В своем Voyage (Brosset II) он, однако, не возвращается к этому вопросу, хотя те русские документы (из Московского Архива Министерства иностранных дел), с которыми Броссе к этому времени был уже знаком, давали ему возможность назвать поименно некоторых из московских художников, работавших в Грузии, и довольно точно локализировать их деятельность в Кахетии. Первым, кто попытался дать такую локализацию, был Иоселиани, указаший, как на возможное место деятельности русских художников, на Марткопи, а также на Зедазени и Мцхета. За Иоселиани дальше в этом направлении пошел Бакрадзе, добавивший к указаниям последнего церковь в сел. Самеба, в долине Иоры, в 6 верстах то Хашми. Значительно позднее, в 1890-х гг. Хаханов указал на церковь в Бахтало, или Фальдарло, в тогдашнем Закатальском округе (на 5-верстной карте Кавказа только река Фальдари-чай). Наконец, уже в наши дни, ᲛᲔᲚᲝᲥᲡᲔᲗ-ᲑᲔᲒᲝ гипотетически высказался за Ниноцминда в Гаре-Кахетии. Других попыток локализировать деятельность русских художников XVI-XVII вв. в Грузии в научных изысканиях нам неизвестно.

Все попытки такой локализации делались почти исключительно на основании наличия в указываемых памятниках русских (церковно-славянских) надписей, при учете, конечно, сведений о присылке в XVI и XVII вв. русских художников в Грузию. Такие сведения до конца 1880-х г.г. можно было почерпнуть, кроме вышеназванного Brosset, из его же вышедшей в свет в 1861 г. „Переписки“ (Броссе). Однако, даже эта публикация, не особенно богатая по данному вопросу, в достаточной степени использована не была.

В конце 1880-х гг. появились капитальные публикации по истории грузино-русских взаимоотношений Белокурова, позволяющие значительно уточнить, расширить и углубить вопрос о деятельности русских художни-

[1] Н. Карамзин. История государства Российского, т. X, гл. I и прим. 122.

ков в Грузии в XVI и XVII веках.[1] Эти публикации совершенно не были учтены при изучении данного вопроса, и в XX в. сам этот вопрос в научной литературе замирает.

Цель настоящего очерка—использовать накопившийся к последнему времени опубликованный документальный материал по данному вопросу, слегка заглянув при этом и в архивное сырье. Весь этот материал дает возможность: установить совершенно точно время присылок в XVI - XVII вв. из Москвы в Грузию мастеров церковного дела и, до известной степени, время пребывания их здесь; осветить исторический фон таких присылок; дать почти исчерпывающий поименный перечень этих мастеров; сообщить некоторые сведения о том материале, которым они были снабжены из Москвы для выполнения их работ; проследить, правда, очень отрывочно, перипетии пребывания некоторых из этих мастеров в Грузии; уточнить локализацию здесь их деятельности с указанием, до известной степени, на те работы по специальности, какие и где ими выполнялись и, наконец, отметить кое-что из их деятельности здесь такого, что прямо в программу возложенного на них поручения не входило. Не будучи специалистом по истории искусства и археологии, автор настоящего очерка не может, конечно, делать отсюда каких-либо соответствующих выводов; это—дело тех, кто во всеоружии по данному вопросу. Настоящий очерк—только подсобная сводка материала.

Русские, правильнее—московские художники-мастера церковного дела[2] не приезжали в XVI - XVII вв. в Грузию самостоятельно, для заработка; они, именно, присылались сюда московским правительством для выполненя тех работ, которые должны были быть возложены на них в Грузии самими грузинскими царями.[3] Инициатива таких присылок исходила с грузинской стороны и связывается с именами двух царей Кахетии: Александра II и его внука Теймураза I.[4] Московское правительство, далеко не всегда исполнявшее просьбы и пожелания своей союзницы на Кавказе, Кахетии, в подобных случаях, обычно, отзывалось с большою готовностью. Посылка из Москвы в Кахетию мастеров церковного дела имела, как сейчас увидим, определенное политическое значение;

[1] Белокуров, I и II.

[2] Почти все эти мастера были живописцы („иконники"; известен также один случай присылки четырех „плотников для церковного строения" и один случай присылки „оконничного мастера", т. е. столяра, делавшего оконные рамы и вставлявшего в них слюду.)

[3] Для самих художников это была, таким образом, своего рода крепостная повинность, за что, однако, предполагалось, они будут получать от грузинских властей вознаграждение. Отправляемому в 1540 г. в Кахетию посольству Мышецкого и Ключарева предписывалось узнать, какие работы выполнили „иконные мастеры" . . и . . „оконничный мастер", и было-ли от царя Теймураза „тем царского величества иконным и оконничному мастером за их труды что жалованья" (Мышецкий, стр. 45).

[4] Прибывшее в 1588 г. в Москву от Александра II кахетинского посольство кн. Каплана Вачнадзе, монаха Кирилла Ксантопуло и Хуршита просило, между прочим, и о присылке иконописцев (Белокуров I, стр. 94; срав. также след. прим.) О том же просил бывший в 1635 - 1637 гг. в Москве посол Теймураза I кахетинского „нареченный" митрополит Никифор (Материалы, стр. 165).

вот почему эти мастера и посылались всегда в составе тех посольств, которые снаряжались в это время из Москвы в Кахетию. Впервые такие мастера были отправлены с посольством 1589 г. кн. Семена Звенигородского и дьяка Торха Антонова, которое прибыло в Кахетию в начале октября этого года; [1] посылки повторялись и при последующих дипломатических миссиях, и, наконец, последний раз мастера были отправлены с посольством 1637 г. кн. Федора Волконского и дьяка Артемия Хватова, которое прибыло в Кахетию только в августе 1638 г. [2] Новых отправлений после 1637 г., повидимому, не было, но пребывание и деятельность в Грузии ранее присланных мастеров можно проследить, как дальше увидим, вплоть до начала 1650-х годов.

Даты 1589—нач. 1650-х гг. определяют, таким образом, довольно точно время деятельности в Грузии московских художников-мастеров церковного дела. Этим же временем (конец XVI—первая половина XVII вв.) датируются и первые шаги наступления Москвы на Кавказ, и такое совпадение не случайно: посылки в Грузию мастеров церковного дела входили в общую программу внедрения в этой стране московского влияния.

После утверждения во второй половине XVI в. политического преобладания Москвы в Поволжьи следующим этапом московской политики на юго-востоке был Кавказ. В своем наступлении на Кавказ Москва и в XVI в., когда ее главное внимание было сосредоточено на Северном Кавказе, и в XVII в., когда усиливается ее интерес к Закавказью, особенно старается привлечь на свою сторону Грузию и прежде всего Кахетию, как опорный для своего собственного наступательного движения пункт на Турцию и Иран. Используя всякий благоприятный момент, она поощряет обращения к ней за помощью грузинских правителей, иногда прямо вызывая их на такой шаг и опутывая их при этом „крестоцеловальными записями“ на верность московскому царю. Не находя нужным до поры до времени вмешиваться в кавказские дела вооруженною силою, Москва всячески отклоняет просьбы о присылке в Грузию ратных людей и специалистов военного дела, которыми, по правде сказать, и сама то она не была особенно богата, но зато задаривает грузинскую феодальную аристократию высокоценными на малоазийских рынках собольими мехами.[3] И, наконец, поско-

[1] 7097 (т. е. 1589) г. апреля в 23 день государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии отпустил в Грузинскую землю к Иверскому Олександру царю в послех князя Семена Звенигородского да диака Торха Онтонова. . . Да с ними же посланы в Грузинскую землю, по челобитию грузинских послов. . . три человека иконописцов.“ (Белокуров I, стр. 84 и 94). 5 октября т. г. посольство остановилось на „реке на Арагуе, переехав мельницу и рубеж Аристовы земли, на Олександрове земле“ (тамже, стр. 154).

[2] „Да с послы же со князем Федором Волконским и дьяком с Ортемьем посланы в Грузию к Теймуразу царю, по челобитью посла его нареченного митрополита Никифора, 2 человека иконописцов. . . оконничный мастер“ (Материалы, стр. 165 и 166). 12 августа 1638 г. посольство пришло „под село Лопантис“ (Панкиси), где начинались кахетинские владения царя Теймураза, и остановилось, пройдя это село, „на реке на Лозани“ (тамже, стр. 255).

[3] Материал по истории московской политики XVI и XVII вв. на Кавказе и, в частности в Грузии в названных выше в примечаниях публикациях и исследованиях.

льку приходилось в Грузии противоборствовать Турции и Ирану, Москва драпируется в роль защитницы православия от „поганых агарян"—посылает в Грузию „учительных людей", церковные облачения, утварь, а также и мастеров церковного дела. Окостеневшее в формализме и обрядности московское православие не углублялось в основные догмы христианского учения, и посылавшиеся в Грузию „учительные люди" своею мелочною придирчивостью и инквизиторскими приемами иногда только портили дело московской дипломатии. Гораздо больше успеха имели всякого рода заботы о „благолепии церквей", которые в это время в Кахетии, действительно, очень пострадали, главным образом, от иранских нашествий. Посольства: кн. Звенигородского, которое впервые привезло в Кахетию московских мастеров церковного дела, и кн. Волконского, когда в последний раз состоялась присылка таких мастеров, в этом отношении очень показательны.

Оба эти посольства занимают несколько особое место в цепи московско-кахетинских дипломатических сношений XVI - XVII вв. Посольство кн. Звенигородского было прямым продолжением предшествовавшего посольства 1587-1588 гг. из Москвы в Кахетию Биркина, которому удалось взять с Александра II кахетинского крестоцеловальную запись.[1] Посольство Звенигородского должно было, в ответ на это, вручить Александру II „жалованную грамоту" московского царя и договориться о дальнейших совместных действиях Москвы и Кахетии, главным образом, против тяготевшего к Турции шамхала Тарку. Впервые теперь Москва появилась в Кахетии в роли сюзерена.[2] Еще ответственнее, быть может, была миссия посольства кн. Волконского. В начале XVII века, когда в Москве разгорелась крестьянско - казацкая революция (так назыв. у буржуазных историков „с м у т а"), связи Москвы с ее кавказскими союзниками порастроились, и в глазах этих последних Москва потеряла престиж внешней политической силы. Когда революционное движение было раздавлено, и произошла, по существу, реставрация старого порядка, связи Москвы с Кахетией, вновь завязывающиеся с 1616 г., налаживались с большими трениями. Найти общий язык удалось только посланному в 1635 г. в Москву известному „нареченному митрополиту", как его называют русские документы, Никифору. Ответом на миссию Никифора и было посольство, имевшее заданием возобновить союз с Москвой Кахетии, на началах вассалитета, и взять с кахетинского царя Теймураза I новую крестоцеловальную запись.[3] Прошло слишком тридцать лет с того времени, когда Кахетия в последний раз принимала у себя послов московского царя (посольство 1604 г. Татищева). Снова надо было

[1] Документы, относящиеся к посольству Биркина, а также к предшествовавшему ему посольству из Кахетии в Москву свящ. Иоакима, старца Кирилла (Ксантопуло) и Хуршита—Б е л о к у р о в II, стр. 10 - 45.

[2] Документы, относящиеся к посольству Звенигородского—Б е л о к у р о в II, стр. 84 - 222.

[3] Документы, относящиеся к посольству 1635 г. Никифора и к ответному на него посольству Волконского в „Материалах", стр. стр. 101 - 141 и 158 - 426.

подумать о том, чтобы произвести известное впечатление. Оба названные посольства были обставлены особенно внушительно и торжественно, начиная с личности самих послов: и Звенигородский, и Волконский—представители старой московской феодальной аристократии, потомки князей черниговских, следующей, после киевской, ветви рюриковичей. Эта торжественность выражалась, между прочим, и в том, что на оба эти посольства возлагалась не только политическая, но и церковная миссия. Кроме царских грамот, были посылаемы патриаршьи грамоты к кахетинскому духовенству—„благословенные" и „учительные", и снаряжались многочисленные комиссии „учительных людей" из представителей московского духовенства; в такую комиссию, входившую в состав посольства Волконского, входил известный деятель русской церкви Арсений Суханов. Посылалось большое количество всякого рода предметов культового обихода.[1] В таком окружении появляются в Кахетии и московские мастера церковного дела. Первая партия таких мастеров прибыла, как мы уже знаем, именно с посольством Звенигородского; в ближайшие за этим годы она несколько раз пополнялась. К тридцатым годам XVII в. все эти мастера сошли уже со сцены. На смену им с посольством Волконского появилось более молодое поколение.

Документы дают возможность довольно точно определить общее число московских мастеров церковного дела и многих из них назвать поименно.

В первый раз, как мы уже знаем, Москва послала в Грузию мастеров церковного дела в 1589 г. с посольством Звенигородского и Антонова трех „иконников" (т. е. иконописцев): „Петра Дермина с товарыщи".[2] Имена товарищей Дермина не называются: видимо, это были не самостоятельные мастера, а его помощники, так сказать подмастерии. Аноним одного из них нам удастся, как кажется, сейчас раскрыть. В 1591 г. с посольством Плещеева было послано еще три человека иконописцев: Максим Терентьев Базаров, Юрий Минин и Шигалей Васильев.[3]) Наконец, в 1601 г. с посольством Нащокина и Леонтьева было послано два иконописца, Первуша Барышников и Трофим („Трофимко") Ларионов, и „четыре человека плотников для церковного дела."[4] Это и все известные нам посылки до перерыва в 1604-1616 гг. сношений Москвы с Кахетией, посылки, так сказать, „XVI века".

Отправляя мастеров в Кахетию, московское правительство старалось, чтобы они там долго не задерживались. Посольствам, обычно, предписывалось посланных с ними мастеров увозить с собою же обратно и оставлять их только в случае специальной просьбы об этом кахетинских властей. Новые партии мастеров всегда присылались как-бы на смену ранее посланным. Такой

---

[1] О посылке таких предметов культового обихода с посольством Звенигородского см. Броссе I, ч. I, стр. 26. С посольством Волконского было послано до 15 церковных книг, 250 икон, „крест воздвизальный; обложен серебром, золочен, распятие литое" и до 25 различных предметов церковного облачения (Материалы, стр. 162-164, 169—170)

[2] Белокуров II, стр. 124

[3] Белокуров II, стр. 238-239

[4] Белокуров II, стр. 342-343, 347

порядок, в силу целого ряда привходящих условий, конечно, строго не выдерживался; постоянно были какие-нибудь перебои. Так, когда были присланы Базаров, Минин и Васильев, послам Плещееву и Кудрину, с которыми эти мастера приехали, предписывалось настаивать, чтобы ранее посланные Посник Дермин и его товарищи были возвращены. В случае ж необходимости разрешали оставить одного из товарищей Посника; сам же он непременно („однолично") должен быть возвращен. [1] Посольству 1596-1599 гг. Совина и Полуханова, с которым новых мастеров не посылалось, снова предписывалось настаивать на возвращение двух раньше посланных, а именно: Ивана („Иванко") Тарасьева и Шигалея (Васильева).[2] То же требование о возвращении Тарасьева и Шигалея было повторено и в 1601 г., когда, как было уже сказано, были посланы два иконописца-Барышников и Ларионов и неизвестные нам по имени четыре плотника.[3]

Но кто такой Иван Тарасьев, о времени посылки которого в Кахетию документы нам ничего не говорят, и который встречает нас прямо уже на месте в 1596 г.? Имена всех мастеров церковного письма, посылавшихся до 1596 г., нам известны, кроме двух товарищей Посника Дермина. Полагаем, что Иван Тарасьев и был один из этих двух, остававшихся с 1589 г. в Кахетии.

В XVII в., после восстановления сношений Москвы с Кахетией, мастера присылались в Кахетию только один раз в 1637 г. с упомянутым уже выше посольством Волконского и Хватова. Это были два иконописца: Семен („Сенка Савин сын") Остафьев Казанец и Иван („Ивашко") Данилов Костромитин, и оконничный мастер Никифор Григорьев—„Голутвинской слободы тяглец, оконничного ряду торговый человек Микифорко Григорьев".[4]

С 1589 по 1637 г. из Москвы в Кахетию было послано, таким образом, 10 иконописцев, 4 плотника и оконничный мастер, а всего 15 чел,. из них в XVI в. 12 чел. (8 иконописцев и 4 плотника) и в XVII в. трое (2 иконописца и оконничный

---

[1] „ . . . и Александр бы царь тех . . , иконописцов прежних Посника Дермина с товарыщи отпустил вместе с ними и с послы, а которые иконописцы ныне посланы к нему, и Александр бы царь тех оставил у себя. А понадобитца будет Александру царю к нынешним в прибавку,—и Александр бы царь оставил у себя из старых кого одного из менших товарищей из Посниковых; а Посника б Дермина хоти одного однолично отпустил с ними с послы" (Белокуров II, стр. 245).

[2] Белокуров II, стр. 280

[3] Белокуров II, стр. 349

[4] Материалы. стр. 165—168 и Дела грузинские, столбец 1635 дек. 20-1637 июнь, лл. 209 и 212. Из этих документов мы узнаем, что на выборе иконописцев для посылки с Волконским и Хватовым остановились не сразу. Сперва намечались Иван Басов и Андрей („Ондрейко") Мартимьянов. а также, до окончательного назначения Ивана Данилова, Лев („Левка") Ростовец. Полное имя Остафьева („Сенка Савин сын Остафьев")—в одной его челобитной (Дела грузинские, столбец 1649 мая 12, лл 1—2), о которой придется еще говорить дальше. В этой же челобитной (л.1) оконничный мастер назван „фонарником".

мастер).[1] Из всего этого числа нам известны по именам: 9 иконописцев (Посник Дермин, Иван Тарасьев, Максим Терентьев Базаров, Юрий Минин, Шигалей Васильев, Первуша Барышников, Трофим Ларионов, Семен Остафьев и Иван Данилов) и оконничный мастер (Никифор Григорьев); имена одного иконописца и четырех плотников остаются не раскрытыми.

Снаряжаемые из Москвы в Кахетию мастера церковного дела ехали, конечно, не с пустыми руками: они снабжались всякого рода материалами и орудиями производства („снастью"), необходимыми им для их мастерства. Это ясно само собою, даже если бы на это и не было никаких документальных доказательств. Мастера отправлялись в разоренную страну, где нельзя было расчитывать всегда найти все нужное под руками. Да и помимо этого; московские мастера, в особенности иконописцы, имели свои приемы, свои навыки, свою, так сказать, палитру; привыкать к новым условиям, даже если бы страна, куда они ехали, и не была разорена, им было бы некогда. Наконец, надо помнить, что некоторые материалы для художественного мастерства московской продукции высоко ценились в Европе и на востоке, и на них был большой спрос, как, например, слюда.[2]

О том, что московские мастера, отправляемые в Кахетию, действительно всем этим снабжались, об этом в литературе давно уже существовали краткие упоминания.[3] Документы Посольского приказа дают нам, в отдель-

[1] В разговоре с сыном бывшего в 1642 г. в Кахетии московского посла кн. Мышецкого Данилою Мышецким, сопровождавшим своего отца, Теймураз I кахетинский говорит о 12 иконниках, посылавшихся в Грузию „при прежних грузинских царех" (Мышецкий, стр. 142). Если он включает сюда и четырех плотников, то это вполне совпадает с приведенными цифрами. Если же он разумеет только одних „иконников", то нам не достает еще четырех человек. Но в таком случае мы затрудняемся—к какому посольству их приурочить? Документы, относящиеся ко всем московским посольствам в Кахетию „при прежних грузинских царех", сохранившиеся в большой полноте, хорошо известны нам по публикации Белокурова, тщательно отмечающего все случаи посылки мастеров церковного дела, положительно не оставляют места для этих четырех человек. Сомнение могло бы быть только относительно посольства 1593 - 1594 гг. Ивана Всеволодского, документальные данные о котором довольно скудны (Белокуров II, стр. 259 - 262). Но это было скорее, так называемое, „легкое посольство", имевшее специальное задание - оповестить Александра II кахетинского о снаряжении московской рати на шамхала; загружаться четырьмя лишними людьми со всем их скарбом оно не могло. Мы склонны поэтому думать, что в число 12 иконников Теймураз включал и четырех плотников; тогда полученный нами подсчет можно считать исчерпывающим.

[2] „ . . . Наша лучшая слюда шла за несколько сот лет из России на запад и получила название „московита" от имени Московии, как тогда называлась Россия" (Якад. А. Ферсман. Занимательная минералогия. 2-е изд., стр. 200, Лнгрд., 1929, срав: И. Кулишер, История русской торговли, стр. 138; Пб., 1923). В 1624 г., как видно из отписки московских послов в Персию Вас. Коробьина и Ост. Кувшинова, шах Аббас I просил московского царя Михаила прислать к нему „слюды да оконничных мастеров делать . . в полатах окончины" (С. Белокуров. Дело о присылке шахом Аббасом ризы господней царю Михаилу Феодоровичу в 1625 г., стр. 43; М., 1891). На высокое качество слюды „московита" впервые обратили мое внимание молодые любители минералогии Н. Полиевктов и И. Урушадзе, за что выражаю им здесь мою благодарность.

[3] Brosset I. ч. III, стр. 37; Белокуров II, стр. 239.

ных случаях возможность полностью восстановить инвентарь всего того, чем снабжались московские мастера при их отправлении в Кахетию, что представляет несомненный интерес как для вопроса о технике этих мастеров, так, отчасти, и для характеристики московского рынка „художественных принадлежностей". До нас дошли два таких инвентаря: первый относится к отправлению в 1591 г. иконописцев Максима Базарова, Юрия Минина и Шигалея Васильева, второй—к отправлению в 1637 г. иконописцев Семена Остафьева и Ивана Данилова и оконничного мастера Никифора Григорьева.

В 1591 г. с Базаровым „с товарыщи" посылалось: 2000 листов сусального золота; 4 гривенки киновари по 4 гривны гривенка; 3 гривенки черлени (ярко-красная охра) по гривне; 2 гривенки бакану (ярко-красная из кошенили) по рублю; гривенка яри медянки (зеленая) 12 алтын; 4 гривенки лазори по 20 алтын; 2 гривенки лазори зеленой по 2 рубля; 4 гривенки празелени (иссиня-зеленоватая) по рублю; 2 гривенки празелени греческой, по рублю; 2 гривенки охры греческой (цена не указана); 2 гривенки охры немецкой по 4 гривны; 4 гривенки багру (красная из кошенили) по 5 алтын; 10 гривенок белил по 2 алтына; 5 гривенок сурику по 2 алтына и полведра олифы 20 алтын. Весь этот материал был куплен на рынке, и некоему Бажену за него было дано 19 рублей 22 алтына. На 2000 листов золота пошло 16½ золотых, выданных для этого из казны—из „четверти".[1]

В 1637 г. с Семеном Осатфьевым и Иваном Даниловым посылалось: 2 фунта охры царьградской; 10 фунт. охры немецкой; 10 фунт. охры калужской; полфунта бакану „виницейского" (венецианского); 2 фунт. бакану немецкого; фунт яри; 2 фунта киновари; 5 фунт. лазори цветной; полпуда черлени; 10 фунт. празелени; фунт лазори голубцу; 10 фунтов белил; 10 фунт. сурику; полтора ведра олифы; 500 листов золота красного (т. е. с медным сплавом); 500 листов золота двойного; 10 листов серебра; общий вес всего золота и серебра 2 фунта. Кроме того, иконописцы должны были в пути, в Казани или в другом городе приобрести: 10 фунт. жолти (желтая, главным образом, так назыв., неополитанская); 1½ пуда левкасу (мел с клеем для наведения грунта) и 10 фунт. карлуку (рыбий клей). Большинство этих припасов было выдано прямо из казны, из Иконного приказа, почему цены на эти припасы и не были обозначены. Некоторые припасы были приобретены на рынке. Так, в Москательном ряду у Карпунки Филиппова были куплены

[1] Роспись что послати в ыверскую землю с иконописцы с Максимом з Базаровым с товарыщи сусалново золота и всяких красок („Дела грузинские" в столбцах 1590 сент. 21-1591 май). Золото сусальное—в тончайших листах, для позолоты. Гривенка—единица веса; большая 96 золотников, малая-48. Здесь. повидимому, имеется в виду большая, т. е. фунт. Гривна для XVI-XVII вв.—10коп, алтын—3 коп. или 6 „денег". Определения; „немецкая," „греческая" . . . указывают, повидимому, не на происхождение материала, а на его различные сорта. Четверть (по сопоставлению со следующим инвентарем, скорее всего—новгородская) одно из финансовых учреждений Московского государства.

краски: калужская охра по гривне фунт; белила по 5 алтын и 2 деньги и сурик по гривне. Олифа была куплена в Щетинном ряду у Федора Алифнина—полтора пуда по 4 рубля, и за две бочки для нее 4 алтына. Золото и серебро—в Серебряном ряду у Марка Микитина: золото по 25 алтын и 2 денги, а серебро по 11 алтын за 100 листов.

С оконничным мастером Никифором Григорьевым посылалось: 3 пуда слюды; 200 „листов белых немецких" (очевидно, жести); полпуда „железа волоченого" (проволоки), и 10 коробок мелких белых гвоздиков, по 500 гвоздиков в каждой коробке. Кроме того - инструменты: 2 ножниц, 2 молотка, 2 „клещей откусных" (плоскозубцы), 2 пилки (напильники)—плоская и „ребряная" (граненая) пила ручная, 3 „струга" (рубанки), 10 шил и железная колодка. И, наконец, для работ того же оконничного мастера предусматривались: сурик (для окраски оконных рам), а также, для каких-то точно неназванных работ, золото и серебро. Пуд слюды был выдан из дворцовых запасов; 2 пуда—из Новгородской четверти; проволока и листовое железо—из Пушкарского приказа. Все остальное было приобретено на рынке: в Скобяном ряду, у Ондрейки Алексеева—гвозди (по 10 алтын коробка), пила (6 алтын и 2 деньги), струги (по 5 алтын), шила (2 денги) и колодка (гривна), и в железном ряду, у Васки Акимова - ножницы (по 8 алтын и 2 денги); и у Мунки—молотки (один - два алтына, другой - алтын), клещи (по 5 алтын) и напильники (по 2 алтына).

Все, приобретавшееся на рынке как для иконописцов, так и для оконничного мастера, оплачивалось из сумм Новгородской четверти.[1]

Пребывание московских мастеров в Грузии прослеживается, как было уже оговорено выше, до начала 1650 гг. Мастера старых присылок—XVI в., повидимому, все окончили свои дни в Грузии: „прежде сего при прежних грузинских царех прислано было в Грузии иконников 12 человек, и те иконники все в Грузех и померли„—сообщал в 1642 г. царь Теймураз Даниле Мышецкому.[2] В числе этих мастеров, умерших в Грузии, был, очевидно, и Посник Дермин, о возвращении которого так хлопотало московское правительство. Что касается мастеров новой присылки—1637 г., то об оконничном мастере Никифоре Григорьеве ничего неизвестно—как долго оставался он в Грузии и, вообще, вернулся-ли в Москву. Определенно известно о возвращении в 1649 г. иконописца Семена Остафьева из его челобитной, которую он подал в этом году царю о награждении его за „грузинскую нужную (т. е. трудную М. П.) службу и за терпение". Эта челобитная, к которой мы сейчас вернемся, при сопоставлении с другими документальными данными, проливает некоторый свет, вообще, на судьбу московских мастеров в Грузии.

---

[1] Материалы стр. 165-166 и „Дела" грузинские в столбцах 1635 дек. 20-1637 июнь, лл. 220-222. Об'яснительные замечания. см. в предыд. прим.

[2] Мышецкй, стр. 142

Московские мастера пошли в Грузии в ход. На этих мастеров, посылавшихся только в Кахетию, поступали иногда в Москву заявки и из других частей Грузии; так, в 1640 г. владетель Мингрелии Леван II Дадиани просил, чтоб московский царь прислал ему „иконописцов со всякими краски и золото и серебро, чтоб . . . церкви описати".[1] На них, вообще, появлялся спрос. Сейчас мы увидим иконописца Ивана Данилова, работающего в Карталинии. При таких условиях естественно было желание удержать их у себя подольше, оттянуть их возвращение в Москву и даже закрепить их так или иначе в Грузии, помешав им видеться лично со вновь приезжавшими московскими посольствами, требовавшими возвращения обратно ранее присланных мастеров. Так, послу Мышецкому и его сыну, настаивавшим на возвращении Семена Остафьева, Ивана Данилова и Никифора Григорьева, остававшихся в Грузии еще с 1638 г., Теймураз I в 1642 г. говорил, что у „него иконников и оконничного мастера в Грузии нет, послал их в бошачинскую землю к зятю своему к бошачинскому Александру царю писати церковь". Посылались ли действительно эти мастера в „бошачинскую землю" (Имеретия)—неизвестно. Мышецкому, однако, удалось проведать, что „те государевы иконники и оконничный мастер у Теймураза царя поженены, и дано им на прикорм по двору по крестьянскому, да под пашню дана земля. А как Теймураз царь послышал, что к нему идет государев посол, и Теймураз царь тех иконников и оконничного мастера от себя сослал и послу их не отказал".[2]

Челобитная Остафьева, о которой мы сказали, в основном, подтверждает сообщение Мышецкого, но рисует дело в более мрачных тонах. По словам Остафьева, когда Мышецкий был в Кахетии, Теймураз заключил мастеров в темницу: „и мы, государь, с твоими государевыми людьми не видались и мы бедные сидели в темнице от Успеньева дня пресвятые богородицы и до Рождества Христова", т. е. с 15 августа до 25 декабря. Выпустив их из заключения, Теймураз хотел их „к вере приводить, чтоб нам на Русь не думать и никуда не сбежать: а великий де государь . . . пожаловал меня вами во всем. И мы хлопи твои его Теймураза царя не послушали и веры ему ни в чем не давали" Только значительно позднее, в 1648 г. Теймураз отпустил Остафьева в Москву.[3] Если во всем этом расказе и сгущены краски, что легко об'ясняется целью челобитной—получить что-нибудь „за терпенье", то факт принудительного задержания мастеров вряд-ли подлежит сомнению. Это подтверждается и тем, что мы знаем о судьбе товарища

[1] С. Белокуров I, стр. 301.

[2] Мышецкий. стр. 142, 152 и 160 В. этих разговорах Мышецких с Теймуразом единственное в документах сообщение о московских мастерах в Имеретии, сообщение, которое без проверки, конечно, принимать еще нельзя. „Отказать"—передать (срав. „отказать по наследству").

[3] „Дела грузинские", столбец 1649 г. мая 12. Дело по челобитью иконника Семена Остафьева, посланного для церковного иконного письма в Грузию с послами кн. Фед. Волконским с товарищами, о выдаче ему жалованья и на оплату долговых денег, лл. 1-2.

Остафьева, Ивана Данилова, о котором Остафьев, кстати заметить, ничего не говорит, и которого, быть может, к этому времени не было уже в Кахетии: он дал о себе знать позднее, но уже из Тбилиси.

В августе 1651 г. Иван Данилов присылал из Тбилиси „с торговым человеком армянином Шешу" письма в Кутаис к бывшему там в это время московскому посольству Толочанова и Иевлева с просьбою его „из неволи откупить или освободить чем". Посланники говорили об этом с Шешу и его товарищами, но те заявили, что „в нынешнее время никакими обычьи ево откупить или освободить не умет, потому Ростоп-хан тефлисский бусурман, а жена его называетца християнка, и по ее приказу тот иконник Иван Данилов пишет в церкве стенное письмо за крепкими приставы".[1] Год спустя, в 1652 г. мы встретим еще этого Ивана Данилова в Тбилиси, где он в то время совмещал свою профессию иконописца с профессией толмача. Это—последнее по времени известие о московских мастерах церковного дела в Грузии. О судьбе товарища Остафьева и Данилоза оконничного мастера Никифора Григорьева мы ничего не знаем.

Теперь, когда нам известно время пребывания московских мастеров в Грузии, имена многих из них и их специальности, мы можем перейти и к наиболее интересному вопросу—попытаться документальнее, чем это делалось до сих пор, локализировать деятельность этих мастеров и осветить, какие именно работы и где ими производились. Мы имеем для всего этого очень надежный материал.

В русских документах XVI -XVII вв. есть точные указания на следующие места работ московских мастеров церковного дела—все в Кахетии: Тога („Тог", иногда „Тон", „Тонас"), Алаверди („Лаверды"), Греми („Крым") и Загеми (иногда „Заем"). О работах в Тога и Алаверди есть сведения в документах еще XVI в.: в 1589-1590 гг. здесь работали Посник Дермин и оба его товарища—расписывали стены и писали образа местных святых и отдельных праздников и „Деисус".[2] Алавердский монастырь („Егорьевский монастырь Лаверды") был, повидимому, одно из главных мест работ московских

[1] Толочанов стр. 44.

[2] „И октября в 28 день (1589 г.) послам князю Семену да дьяку Торху говорил от Олександра царя пристав Лом, чтоб государевых иконников Посника Дермина с товарыщи прислали к нему к Олександру царю в село Тон, а писати им в церкве стенное письмо.—И послы князь Семен и диак Торх послали иконников того же числа". И несколько позднее—„А иконников, государь, Посника Дермина с товарыщи Олександр царь с нами не отпустил; а пишут государь, в селе в Тогу в церкви и в Егорьевском монастыре Алаверды стенное письмо и месные образы деисус и праздники" (Статейный список и отписка, на обратном пути с Сунжи посольства Звенигородского и Антонова). Белокуров II, стр. 170-1 и 124. Деисус - написанные на трех отдельных, но соединенных между собою, досках изображения Христа, богоматери и Иоанна Крестителя.

мастеров. Когда в 1637 г. с посольством Волконского приехали Семен Остафьев, Иван Данилов и оконничный мастер Никифор Григорьев, они почти тотчас по приезде были поставлены на работу в Алавердском монастыре, при чем на иконописцев были возложены работы реставрационного характера.[1] В документах XVII в. есть, вообще, несколько уточняющих сведений о работах московских мастеров в Алавердском монастыре, не всегда, однако, дающих возможность с точностью установить - кто именно из этих мастеров выполнял здесь те или другие работы. Сопровождавший при осмотре Алавердского храма прибывшего с посольством Волконского архимандрита Иосифа пристав посольства Ромазан сказал, что русские мастера расписывали правую сторону храма: левую сторону, по его словам, писали „немцы", т. е. западно-европейские художники.[2] Здесь, конечно, идет речь о мастерах еще XVI в.—о группе Посника Дермина, а также о прибывших несколько позднее Максиме Базарове, Юрии Минине, Шигалее Васильеве и др., о месте работ которых нам в точности неизвестно. Довольно обстоятельные сведения о работах московских мастеров в Алавердском храме мы находим и в статейном списке Мышецкого (1642 г.)—„А церковь великого мученика Георгия писана стенным письмом. Письмо избито из пищалей и исколото копьи. Образов месных и Деисусов и пророков и праотцов нет. . . . Царские двери невелики. Письмо русское, московских государевых иконников. А над царскими двери поставлен крест деревянной, не добре велик; на нем писано роспятие господа нашего Исуса Христа. По правую сторону креста, на особной цке написан образ пречистые Богородицы, стоящей, лицом к кресту; а с левою сторону образ Ивана Богослова, лицем ко кресту ж; писмо московских же государевых иконников . . . близко к северским дверем зделан рундук каменной, не мал, вверх 4 ступени; на рундуке стоял образ великого мученика Георгия, написан на цке, пядница большая, писмо государевых иконников".[3] Указание Мышецкого на отсутствие в его время в Алавердском храме „образов местных и Деисусов" - что, кстати сказать, еще в 1638 г. отметил вышеназванный архимандрит Иосиф в его описании „церкви Георгиева монастыря Лаверды".-позволяет предполагать, что здесь идет речь уже не о работах Посника Дермина и других мастеров XVI

---

[1] „Сентября в 28 де (1638) говорил послам пристав Рамазан: прислал - де ево государь мой Теймураза царь, и велел говорить чтобы послы прислали к Теймуразу царю в монастырь иконописца и оконничника. А починивать - де иконописцам икон и оконничнику делать в церковь окончины. Того же дни иконописцы и оконничник к Теймуразу царю посланы" Статейный список посольства Волконского и Хватова (Материалы, стр. 284).

[2] „О церкви Георгиева монастыря Лаверды. . . И архимарит спрашивал у пристава Ромазана, какие люди писали церковь. И пристав Ромазан сказал: правую сторону писали русские мастера, а левую сторону писали немцы" - Статейный список архимандрита Иосифа (Материалы, стр. 365).

[3] Мышецкий, стр. 140 и 141. „Цка"-доска. „Рундук"—возвышение с приступками и в тоже время ларь с подъемной крышкой. Пядница—икона в „пядь" (ок. 4 вершков).

в., а о новых работах, выполненных между 1638 и 1642 гг. Семеном Остафьевым и Иваном Даниловым. Эти последние, таким образом, судя по контексту этого описания, выполняли в Алавердском монастыре след. работы: расписывали стены и писали образа—на створках царских дверей; над царскими дверями—распятие и образа богоматери и Ивана Богослова и, отдельно, образ великомученика Георгия (см. табл. I и II).

Только в документах XVII в. есть сведения о работах московских мастеров в Греми и Загеми; и при том почти с уверенностью можно сказать, что все это—сведения о работах мастеров именно XVII в., а не их более старших предшественников XVI в.

Наиболее обстоятельные сведения о работах в Греми — в известном описании этого места в статейном списке Мышецкого (1642 г.) Судя по этому описанию, работы здесь московских мастеров были не в самом Гремском монастыре, а в одном из тех двух комплексов дворцовых построек, которые были от монастыря „под горою, с приезду от базару Зегеми. . . за ручьем", и именно в комплексе построек царя Теймураза. В церкви этого комплекса („каменная, не велика, зделана полаткою на 4 углы") Мышецкий видел стенную роспись московских мастеров, изображающую причту о блудном сыне; в его время она не была еще закончена. Может быть, тем же мастерам принадлежала и другая роспись, в алтаре этой церкви („написано Иона из кита"), но прямо об этом Мышецкий не говорит. В двух гражданских постройках того же комплекса („чердак каменной, низкой" и „полата невелика, окол ее огорожено перилами") в окнах были вставлены „окончины слюдные большие"; эта была работа „государева оконичного мастера", т. е. Никифора Григорьева.[1] К этому описанию Мышецкого надо добавить только сообщение архимандрита Иосифа о том, что, когда при нем, в 1639 г., в Греми приехал для богослужения архиепископ алавердский Заведей, и для него здесь делали новую митру („коруну"), то священные изображения на этой митре были выполнены бывшими в это время в Греми московскими иконниками. Одному из них, Семену Остафьеву Иосиф склонен даже приписать—оставим это на ответственности московского архимандрита—самый эскиз такой митры.[2]

---

[1] Мышецкий, стр. 156-157. „Окол"—вокруг.

[2] „Генваря в 24 де (1639 г.) приехал в Крем Георгиева монастыря из Лаверды архиепископ Аливердей. . . И звал послов и архимарита на царев двор к обедне на память Григория Богослова. И послы и архимарит пришли к церкви святого Богоявления. . . И из сум вынимая, сак нов делал архиепископ при нас обьяри виницейские, по серебряной земле цветные. Да при нас же зделал корупу древяную осьмоугольную, писали на ней государевы иконники деисус, а по верхным киотцам писаны пророки и апостали, а на верху крест з жемчюги. И то знатно, что Семейка иконник, ему писать то умыслил". Статейный список архимандрита Иосифа (Материалы, стр. 379-380). „Сак"—архиепископское облачение. „Обьярь виницейская"—венецианская плотная шелковая волнистая ткань („муаре").

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Работы московских мастеров в Загеми были более мелкого масштаба; так сказать, небольшие церковные поделки. Так, тем же Семеном Остафьевым для загемской церкви были сделаны рипиды (опахала на длинном древке с изображением херувимов): „а те рипиды деревянны зделал и написал государев иконник Семейка". Наконец, когда все тот же архимандрит Иосиф, этот придирчивый ревнитель московского благочестия, вздумал заново освящать загемскую церковь (из-за чего, кстати сказать, у него вышел крупный конфликт с алавердским архиепископом Заведеем), он послал туда предварительно бывшего при нем московского дьякона Антония, посольского толмача и мастеров „на церковь крест древяной поставить и столец нов со всем потребным ко освещению среди церкви поставити".[1]

Вот те данные о деятельности в Грузии московских мастеров церковного дела XVI и XVII вв. по их специальности, данные, может быть, и не особенно богатые, но за то точно локализированные. Попробуем теперь сопоставить эти данные с теми попытками локализации этой деятельности, какие делались в старой литературе. Мы знаем уже эти попытки: Марткопи, а также Зедазени и Мцхета (Иоселиани), Самеба в долине Иоры (Бакрадзе), Бахтало, или Фальдарло, в тогдашнем Закатальском округе (Хаханов) и Ниноцминда в Гаре-Кахетии (მღვდელ-ბეგი). А здесь—Тога, Алаверди, Греми и Загеми. На первый взгляд—полное противоречие, но это—именно только на первый взгляд. Обратим, прежде всего, внимание на то, что прямые указания русского документального материала на те места, где работали московские мастера, не являются чем-то исчерпывающим, во всяком случае, для XVI века. Еще в своей грамоте к московскому царю Михаилу ок. 1618 г. (следовательно еще до присылки в 1637 г. Остафьева, Данилова и Григорьева) Теймураз I указывал на „четыре великие монастыри", где в XVI в. работали московские мастера.[2] Кроме четырех „великих монастырей", мастера могли, конечно, работать и в других местах, о которых Теймураз в своей грамоте мог и не упомянуть, как о нечто второстепенном: нам известны работы в XVI в. в Тога. Один из этих монастырей мы знаем—Алавердский. О работах в Гремском монастыре мы не находим указания ни в одном из статейных списков тех московских посольств, которые здесь были: Мышецкий говорит только о работах в гремской дворцовой церкви и в других дворцовых построй-

[1] Статейный список архимандрита Иосифа (Материалы, стр. 399 и 395).

[2] И монастыри, которые блаженные памяти при великом государе . . . Федоре Ивановиче сооружено было в нашей грузинской земле, четыре великих монастыри, в кои от нево великого государя присланы был восемь иконописцов, шах кизылбашской разорил . . . „—из грамоты Теймураза I к царю Михаилу, посланной с игуменом Харитоном (Материалы, стр. 50) „Сооружено"—конечно, не указывает на основание этих монастырей, но только на развернутое в них строительство. Заметим кстати, что эта грамота совершенно подтверждает наш подсчет о присылке в XVI в. восьми иконописцов. Когда Теймураз говорил с Мышецким (см. выше) о двенадцати человеках, он, очевидно, действительно, включал сюда и четырех плотников.

ках. Остающиеся прямо не названными в документальном материале места работ московских мастеров и могли быть те места, где старые исследования усматривали следы таких работ—Марткопи, Зедазени, Самеба, Бахтало, Ниноцминда. Что касается предположения Иоселиани относительно Мцхета, то напомним только, не делая, конечно, еще отсюда каких-либо выводов, что в 1650 гг. у жены карталинского царя-магометанина Ростома, царицы Мариам работал, как мы уже знаем, иконописец Иван Данилов - писал „стенное письмо за крепкими приставы". Нет основания узко ограничивать эти работы Данилова пределами города Тбилиси.

Словом, новый документальный материал не опрокидывает старых попыток локализовать деятельность московских мастеров XVI-XVII вв. в Грузии, но только уточняет такую локализацию, расширяет поле наблюдения и направляет внимание искусствоведов на такие памятники, которые в данном вопросе оставались, насколько нам известно, почти совершенно вне их кругозора. Этот материал направляет в данном вопросе внимание и еще на одну сторону. Следы работ московских мастеров в Грузии искали в стенных росписях. Теперь на основании того, что мы знаем о их работах в Алавердском монастыре, в Греми и даже в Загеми, где они ограничивались, повидимому, только мелкими поделками, мы видим, что они проявляли себя в Грузии не только как с т е н о п и с ц ы, но и как и к о н о п и с ц ы в узком смысле этого слова. Эта сторона их деятельности здесь безусловно заслуживает специального обследования, поскольку конечно это допускает наличие соответствующего вещественного материала.[1]

Нам осталось добавить еще несколько слов о деятельности московских мастеров XVI—XVII вв. в Грузии. Они выступали здесь не только как практики церковного мастерства, но иногда и как своего рода эксперты по вопросам искусства. Так, при осмотре посольством Звенигородского и Антонова Алавердского монастыря бывшие при них иконники Посник Дермин и два его товарища про образа по левую сторону от царских дверей сказа-

---

[1]) В цитированном выше несколько раз статейном списке архимандрита Иосифа есть некоторые указания на довольно широкое распространение в то время в Кахетии икон русского письма. Так, при встрече в Алавердском соборе посольства Волконского один из встречавших священников „держал образ пречистые богородицы, письмо русское, обложен серебром, резью" (Материалы, стр. 360). Когда епископ некресский („Некресей"), бывший в то время в Загеми, служил у себя в шатре („в кибитке") вечерню, у него стояли там „образы русские" (там же, стр. 385). Все это могли быть образа и из того богатого иконного фонда, которым Москва снабжала Кахетию; могли быть здесь и работы московских мастеров, выполненные ими же по их приезде сюда. К своим письмам из Тбилиси к посольству Толочанова в Кутаисе иконник Иван Данилов приложил „рукоделие ево, назнаменован образ спасов без подписей, на бумаге" — очевидно, как образец тех работ, какие он выполнял для царицы Мариам (Толочанов, стр. 45).

ли, что это—„письмо корсунское". Это же мнение про те же образа позднее подтвердили, несколько уточнив его („те образы письма греческие и корсунские") и бывшие с посольством Волконского и Хватова иконники Остафьев и Данилов.[1] Кто знает—быть может, те четкие описания церковных памятников Кахетии и Имеретии, какие заключают в себе статейные списки московских посольств, вообще составлялись при участии бывших при этих посольствах московских мастеров церковного дела.

Экспертиза по вопросам искусства входила, конечно, прямо в круг ведения этих мастеров. Более неожиданным, по крайней мере на первый взгляд, является—когда мы встречаем их в роли . . . политических агентов, что, казалось бы, так далеко отстояло от их деятельности. Так, в своей челобитной, поданной им после своего возвращения из Кахетии в Москву, о которой мы говорили уже выше, иконописец Семен Остафьев намекал, что у него есть какие-то сведения о „ризе господней", которые он имеет, будто-бы от самого царя Теймураза—„ . . . будучи я холоп твой в Грузинской земле, слышал от грузинского царя Теймураза про одежду господа бога спаса нашего Исуса Христа, как она принесена от Ерусалима в грузинскую землю в Картули, и та одежда лежит в церкви Цхете в земле". При этом Остафьев ссылался на свою более раннюю—не дошедшую до нас—челобитную, посланную им еще из Кахетии.[2] Этот вопрос о „ризе господней" имел свое место в московско-кахетинских отношениях того времени. В Кахетии опорачивали подлинность той „ризы", которую в 1625 г. шах Аббас I прислал царю Михаилу и указывали, что подлинная „риза" хранится в Мцхета. Москва очень этим интересовалась, и верная своей постоянной политике концентрировать у себя „святыни" тех земель, на которые она имела виды, не прочь была заполучить к себе и мцхетскую реликвию.[3] Сведения, которые были у Остафьева, могли представлять известный интерес для московского правительства.

Другой иконописец—Иван Данилов в своих письмах к посольству Толочанова, о которых также уже говорилось, сообщал, что за ним есть „государево . . . великое дело (т. е. сведения государственной важности) про царя Теймураза и про царя Александра и про их державу".[4] Это сообщение Данилова связывается с мало разработанным еще вопросом в истории московско-грузинских взаимоотношений. К этому времени Теймураз, как известно, лишился своих владений и проживал в Имеретии, у своего зятя Александра III имеретинского, с помощью которого рассчитывал вернуть себе Кахетию, где теперь утвердился Ростом карталинский. И Тей-

[1] Белокуров II, стр. 157. Статейный список Волконского и Хватова (Материалы, стр. 267).

[2] См. выше, прим. 3 на стр. 14.

[3] С Белокуров. Дело о присылке шахом Аббасом ризы господней царю Михаилу Феводоровичу в 1625 г. М., 1891.

[4] Толочанов, стр. 44.

мураз, и Александр обращались за содействием к Москве. Эта миссия была возложена на совместное кахетино-имеретинское посольство в Москву „князя Ивана Григорьева", как он называется в русских документах, и иеромонаха Василия, ответом на что и было посольство 1650 г. из Москвы в Имеретию Толочанова и Иевлева. Все это, конечно, не могло не беспокоить, Ростома карталинского, и он, с своей стороны, в 1652 г. отправил, очевидно в противовес планам Теймураза и Александра, своего посла—Магомет-хан-бека.[1] „Государево дело", о котором обещал сообщить Иван Данилов и связывалось, повидимому, как-то со всеми этими дипломатическими сплетениями, и при том, надо думать, скорее в пользу Ростома. Тот же Иван Данилов несколько позднее, уже после отправления в Москву Магомет-хан-бека, информировал о тбилисских слухах и настроениях, в общем благоприятных для Москвы, бывшего в 1652 г. в Тбилиси известного Арсения Суханова, при котором он состоял здесь толмачем.[2]

Посылка мастеров церковного дела входила, как мы уже знаем, в общую программу политики Москвы в Грузии. Теперь мы видим, что эти мастера не только экспортировались сюда из Москвы, как рабочая сила, вместе с иконами, церковною утварью и церковным облачением, но и сами делали здесь иногда—конечно на ролях мелких сошек—московскую политику.

---

[1] „Дела персидские", в столбцах 1652 сент.—1653 генв. (Приезд персидской области тефлисского Уростоп хана посланика Магомет-хан-бека). Сохранилось только начало документа—приготовления в Москве к приему посланника.

[2] Проскинитарий Арсения Суханова, стр. 105-108. Православный Палестинский Сборник, т. VIII, вып. 3, по общему счету выпусков—21; СПб., 1889).

Типогр. музея Метехи. Тбилиси, Метехский под'ем № 1. Зак. № 27.

УЭ 8389 Подп. к печати 12/II—1941 г. Печ. лист. 2, авт, лист. 1,38 (55,144 тип. зн.). Тираж 1000.

Алавердский образ св. Георгия

Алавердский образ св. Георгия (деталь)

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Страница	строка	напеч.	нужно читать
3	11 сверху	Brosset	Brosset I
3	14 „	Brosset	Brosset II
5	14 „	то	от
7	14 снизу	наканец	наконец
9	6 „	Броссе I	Brosset I
14	7 „	разгаворах	разговорах

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЦЕНА 3 РУБЛЯ